

Е.О. Лабецкая*

АРКТИЧЕСКИЙ ФРОНТ МИРОВОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Роль и значение Арктики в международных отношениях конца XX — начала XXI в. неоднократно менялись, соответственно менялись и их оценки в академических публикациях. В настоящий момент Арктика пусть пока и не превратилась в театр военных действий, но уже стала ареной ожесточенного международного соперничества. Для того чтобы правильно понять его масштаб, динамику и возможные последствия, в настоящий момент представляется целесообразным взглянуть на него через линзы концепции «гибридной войны». В первом разделе статьи проведен обстоятельный обзор ключевых подходов к определению феномена гибридной войны и ее специфических черт. Особое внимание уделено анализу теоретических наработок НАТО в области изучения методов ведения гибридных войн и практических шагов по их применению в Арктике. Во втором разделе рассмотрены конкретные формы и проявления гибридной войны в Трансарктике. Автор отмечает, что особенно масштабному враждебному гибриднему воздействию со стороны государств НАТО подвергается население островов Шпицберген и Врангеля, серьезный риск для региональной стабильности несут русофобские нарративы, насаждаемые среди народов мирового Заполярья. По мнению автора, для противодействия гибридным угрозам со стороны коллективного Запада Российской Федерации необходимо разработать комплексную арктическую стратегию, которая включала бы, помимо прочего, эффективную систему мониторинга геополитических угроз — в отношении не только России, но также ее партнеров

* Лабецкая Екатерина (Катерина) Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (e-mail: lbtiskaya@imemo.ru; ORCID: 0000-0003-4144-4444).

по БРИКС+, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ; меры по укреплению взаимодействия с евразийскими, международными и межправительственными структурами, бизнес-сообществами, не поддающимися санкционному прессингу; программы развития коренных народов, нацеленные на сохранение их цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: Арктика, гибридные войны, конфликты низкой интенсивности, мировая гибридная война, Россия, Арктическая зона, НАТО, коллективный Запад, Крайний Север

Для цитирования: Лабецкая Е.О. Арктический фронт мировой гибридной войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 153–174. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-153-174.

Ekaterina O. Labetskaya

THE ARCTIC FRONT OF THE GLOBAL HYBRID WARFARE

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)
3, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997*

The role and significance of the Arctic in international relations of the late 20th and early 21st centuries have undergone serious changes, and so have their assessments in the academic literature. To date, the Arctic has already turned into the scene of bitter international rivalry, albeit not yet a theater of military operations. In order to provide a better understanding of the scale, dynamics, and potential consequences of these developments, the author examines them through the lens of the hybrid warfare concept. The first section provides a thorough review of the key approaches to the definition of the hybrid warfare and its specific features. The author pays special attention to the NATO's theoretical advances in the methods of the hybrid warfare and their practical implementation in the Arctic region. The second section examines the specific forms and manifestations of hybrid warfare in the Transarctic. The researcher notes that the population of the islands of Svalbard and Wrangel is exposed to a remarkably large-scale hostile hybrid influence from the NATO countries, and concludes that Russophobic narratives peddled to the peoples of the Subarctic pose a serious risk to regional stability. The author argues that in order to counter hybrid threats from the collective West, Russia needs to develop a comprehensive Arctic strategy. The latter should include, inter alia, an effective system for monitoring

geopolitical threats not only against Russia, but also against its BRICS+, SCO, EAEU, CSTO partners; measures to strengthen cooperation with Eurasian, international and intergovernmental structures and business communities unyielding against sanctions pressure; programs for the development of indigenous peoples aimed at preserving their civilizational identity.

Keywords: Arctic, hybrid wars, low-intensity conflicts, global hybrid warfare, Russia, Arctic zone, NATO, collective West, Far North

About the author: Ekaterina O. Labetskaya — PhD (Economics), Leading Research Fellow at the Department of International Political Problems, Section of Systemic Problems of International Relations, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: lbtskaya@imemo.ru; ORCID: 0000-0003-4144-4444).

For citation: Labetskaya E.O. 2024. The Arctic front of the global hybrid warfare. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 3, pp. 153–174. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-153-174. (In Russ.)

Холодный накал гибридной войны

Оценки места и роли Арктики в геостратегических и геополитических реалиях XX и XXI вв. постоянно трансформировались, подвергаясь то «секьюритизации», то «десекьюритизации» [Международное сотрудничество в Арктике, 2013; Хотькова и др., 2014; Гудев, 2014; Загорский, 2016; Иваницкая, 2017; Лабетская, 2021]. Арктика эпохи холодной войны, еще не обретшая глобальную экономическую значимость, рассматривалась исключительно как потенциальный театр военных действий (ТВД) двух блоков — Организации Варшавского договора и Североатлантического альянса. Затем в тумане мурманских инициатив (1987) М.С. Горбачёва по превращению Арктики в зону мира и сотрудничества стали зарождаться иллюзии, будто отдельно взятый регион, в частности мировое Заполярье, может беззаботно существовать вне биполярной системы международных отношений. Ельцинская же эпоха привнесла в политологию бурные фантазии о формировании бесконфликтной Арктики, как будто антагонистические межцивилизационные, геостратегические и геополитические противоречия бесследно смелись подобострастными пасами одиозного Андрея Козырева, тогдашнего главы внешнеполитического ведомства «Новой» России. Последние иллюзии отно-

сительно реалий современной Арктики развеяли события февраля 2022 г.: жесткое противостояние РФ с коллективным Западом разбило розовые политологические очки. Арктика не превратилась пока в ТВД жесткого противоборства, но уже стала фронтом гибридной войны (ГВ) [Лабецкая, 2022].

Для понимания специфики этого типа конфликтов имеет смысл обратиться к трудам военных теоретиков. К примеру, в 2019 г. в РФ была переведена на русский язык получившая мировое признание еще в 1991 г. книга Мартина ван Кревельда «Трансформация войны» [Кревельд, 2015]. Анализу его нестандартных взглядов на войну посвящена объективная редакционная статья в журнале «Новый оборонный заказ. Стратегии»¹. Конечно, в контексте нынешней эпохи тезис М. ван Кревельда о «значительном эволюционировании природы военных действий на протяжении всей истории» возражений не вызывает. Так же, как и его определение войны. Он рассматривает ее «как многогранное явление, а не только военное противостояние», «как социальную и политическую деятельность, в которой участвует всё общество». Однако представляется верной точка зрения автора редакционной статьи, отмечающего: «Вопреки прогнозам теоретика, “классические” высокоинтенсивные войны отнюдь не являются пережитком прошлого, а переживают новый всплеск». Правомерна и критика «стремления М. ван Кревельда преувеличить роль негосударственных акторов и преуменьшить роль государства в ведении новых войн»².

Советский и российский военный теоретик, генерал-майор, академик Российской академии естественных наук (РАЕН) И.С. Даниленко отмечал: «Общественная история идет в неровном, но устойчивом миро-военном ритме (мир–война–мир–война–мир). Интервалы между периодами мира и войны меняются. При этом война достается на жизнь почти каждого поколения народонаселения всех стран»³. Не миновала она и современное поколение.

¹ Мартин ван Кревельд и новые войны // Новый оборонный заказ. Стратегии. 22.02.2024. Доступ: <https://dfnc.ru/sci/martina-van-kreveld-i-novye-voyny/> (дата обращения: 16.08.2024).

² Там же.

³ Цит. по: Тулаев П.В. Симфония военной теории и философии. Памяти Игната Семеновича Даниленко (1932–2019) // Независимое военное обозрение. 28.02.2020. Доступ: https://nvo.ng.ru/realty/2020-02-28/10_1083_danilenko.html (дата обращения: 11.08.2024).

Солидарен с такой оценкой исторического развития человечества и другой академик РАН — профессор Э.А. Поздняков: «Если снять с истории наброшенный на нее эстетствующими историками флер, она предстанет перед нами в подлинном своем виде как нескончаемый поток войн между народами как в рамках одной цивилизации, так и в цивилизациях разных». Делая вывод, что «война есть основной способ существования человека, и сам он по глубинной природе своей не кто иной, как *Homo bellans* (существо воюющее)», Э.А. Поздняков констатирует: «Войны обязаны природе человека и тем общественным отношениям, в которых он существует» [Поздняков, 2010: 221].

Яркая ретроспектива войн человечества представлена в работе российского историка А.В. Фененко, в которой он приходит к логичному заключению: «“Гибридные войны” — просто одно из названий подвида ограниченных войн, существовавшего на протяжении всей истории человечества. Все идеи “гибридизации” войны — не более чем англосаксонская стратегия ведения ограниченных войн с опорой на опыт войн раннего Нового времени»⁴.

Однако, как гласит проверенная историей латинская пословица, «времена меняются, и мы меняемся вместе с ними»⁵. Меняются и условия существования *Homo bellans*. Сегодня «глубинные социальные причины войны не только сохраняются, но и возрастают». Вместе с тем «мир стал слишком тесен, а имеющиеся в распоряжении государств средства уничтожения слишком разрушительны для масштабной войны», — акцентирует Э.А. Поздняков [Поздняков, 2010: 222–223]. И вот сегодня милитаристский арсенал пополняется новым инструментарием — средствами ГВ, менее затратными, размытыми и трудно уличаемыми в своей вредоносности. Мнение Э.А. Позднякова близко и И.С. Даниленко, который констатировал: «Войны многолики. Они принимают все более нетрадиционный характер. Порой трудно уловить грань между войной и миром. А это очень важно для политической практики»⁶.

Своеобразным теоретическим обоснованием феномена ГВ стал концепт «мягкой силы» (*soft power*) американского политолога Дж.

⁴Фененко А. Мифы «гибридной войны» // Национальная оборона. 31.07.2023. Доступ: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/mify-gibridnoj-voyny-44861.shtml> (дата обращения: 18.08.2024).

⁵Tempora mutantur et nos mutamur in illis (лат.).

⁶Цит. по: Тулаев П.В. Указ. соч.

Ная [Най, 2006], а вскоре в реальную политику стремительно ворвались и модификации «мягкой силы» — «умная», «разумная» и «резкая» (*smart power, intelligent power, sharp power*)⁷ [Лабецкая, 2018b]. «Масштабы развернутой Западом работы [против РФ] позволяют говорить о необъявленной гибридной войне», — отмечал уже в конце 2017 г. директор Службы внешней разведки РФ С.Е. Нарышкин⁸.

Достаточно часто в контексте изучения ГВ упоминается образ «серых зон», под которыми понимается виртуальное пространство между миром и войной. В российской политологии встречается и такая трактовка «серой зоны», как «исчезновение четко очерченных различий между угрозами внутри страны и внешними угрозами, размывание “непроницаемости” национальных границ» [Дронов, 2023: 68].

Глубокое монографическое исследование «серых зон» провел член-корреспондент Академии военных наук, эксперт Лиги военных дипломатов А.А. Бартош. Рассматривая «серую зону» как плацдарм гибридной агрессии, ученый, пожалуй, впервые в отечественной политологии осмыслил место этого «политического стратегического пространства в операционной среде», проанализировал, как «международная система, балансируя на грани войны и мира, переформируется под правила нового миропорядка». Особого внимания заслуживают сформулированные им «факторы гибридного стратегического неядерного сдерживания и принуждения» [Бартош, 2021: 4–5, 37, 177, 292].

Что касается собственно термина «гибридная война», то его прочное внедрение в политологический оборот пришлось на 2015 г. После нескончаемых (чаще всего русофобских) обсуждений связанной с ним проблематики его наиболее обобщенное определение сформулировал Международный институт стратегических исследований (IISS)⁹: «Использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезап-

⁷ Nye J.S. How sharp power threatens soft power. The right and wrong ways to respond to authoritarian influence // Foreign Affairs. 24.01.2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power?cid=int-fls&pctype=hpg> (accessed: 11.08.2024).

⁸ Нарышкин заявил о ведении США гибридной войны против стран СНГ // Росбалт. 19.12.2017. Доступ: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/12/19/1669627.html> (дата обращения: 27.07.2024).

⁹ International Institute for Strategic Studies — крупный мозговой центр со штаб-квартирой в Лондоне, созданный в 1958 г. для изучения проблем конфликтологии, нераспространения и ядерного сдерживания.

ности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, используемых в дипломатических действиях; масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением»¹⁰. В последующие годы инструментарий ГВ получил не только разностороннее развитие в научных публикациях, но и практическое внедрение¹¹ [Carment, Belo, 2018; Mikac et al., 2022; Sanz-Caballero, 2023].

Наиболее полную подборку западных интерпретаций понятия ГВ представил исследовательский центр по международным вопросам CIDOB [Bargués, Bourekba, 2022]. Аналитики ГВ, иногда расходясь в оценках новизны «гибридности» в стратегии и тактике, в основном едины в понимании самого арсенала используемых средств [Bargués-Pedreny, 2018; Johnson, 2018; Fridman, 2018; O'Driscoll, 2019; Stensrud, Østhagen, 2024]. В целом их оценки совпадают и с позицией НАТО.

Серьезное внимание стратегическим разработкам методов ГВ и противодействию им альянс уделяет с начала 2000-х годов. Впервые же свое отношение к ГВ, гибридным угрозам и методам противостояния им он достаточно полно изложил в 13-м пункте Заявления по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе (4–5 сентября 2014). Там подчеркивалась необходимость эффективного преодоления альянсом «конкретных вызовов, возникающих в связи с угрозами гибридной войны, при ведении которой применяется широкий ряд тесно взаимосвязанных открытых и скрытых военных, военизированных и гражданских мер». Ставилась задача получения «инструментов и процедур, необходимых для эффективного сдерживания угроз гибридной войны и реагирования на них, а также потенциалы для усиления войск (сил) государств». Речь велась об «усилении стратегических коммуникаций, разработке сценариев учений в свете гибридных угроз и укреплении координации между НАТО и другими организациями в соответствии с принятыми решениями, с тем чтобы улучшить обмен информацией, политические консультации

¹⁰ Цит. по: Бартош А.А. Смыслы гибридной войны // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 12.07.2017. Доступ: <https://nic-pnb.ru/vneshnepoliticheskie-aspekty-bezopasnosti/smysly-gibridnoj-voyny/> (дата обращения: 26.07.2024).

¹¹ Howard L.M. A look at the laws of war — and how Russia is violating them // United States Institute of Peace. 29.09.2022. Available at: <https://www.usip.org/publications/2022/09/look-laws-war-and-how-russia-violating-them> (accessed: 26.07.2024).

и координацию на уровне секретариатов (штабов)»¹². В мае 2024 г. на сайте НАТО появился обобщенный аналитический материал под названием «Противодействие гибридным угрозам», препарирующий методы, инструментарий ГВ, ее географический охват¹³.

Не отстает от теории и практика альянса. Сценарии борьбы с терроризмом и проявлениями ГВ отрабатывались в ходе натовских учений «Nighthawk 21»¹⁴. Их задача — достижение слаженности сил специальных операций из 13 стран — членов и партнеров блока. Весьма показателен симпозиум НАТО по противодействию гибридным угрозам, собравший 12–13 декабря 2023 г. в Хельсинки (Финляндия) экспертов, представителей альянса и военно-промышленного комплекса. «НАТО остается уникальным и незаменимым форумом для консультаций, координации и принятия мер в отношении гибридных угроз»¹⁵, — заявил помощник генсека альянса по новым вызовам безопасности Д. ван Вил. В центре внимания была подготовка к противодействию «политическим, экономическим, энергетическим, информационным и др. гибридным тактическим приемам, сдерживанию и защите от них». Очевидно, что перечисление такого арсенала свидетельствует о фундаментальной проработке и практическом применении альянсом этих мер в отношении вероятного/потенциального противника, прежде всего РФ.

Примечательно, что именно в Хельсинки базируется Европейский центр передового опыта по противодействию гибридным угрозам, который ориентирован на оказание помощи странам-участницам в повышении их военно-гражданского потенциала, устойчивости и готовности противодействовать гибридным угрозам. Причем открыт он был задолго до вступления Финляндии в НАТО — в октябре 2017 г.

¹² Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе, обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического союза в Уэльсе, 4–5 сентября 2014 г. // Организация Североатлантического договора. Доступ: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 23.09.2024).

¹³ Countering hybrid threats // North Atlantic Treaty Organization. 07.05.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_156338.htm (accessed: 23.09.2024).

¹⁴ Учения Северной Европы для войск специального назначения «Night Hawk 2021» проходили с 27 сентября по 7 октября 2021 г. в Дании.

¹⁵ Представители промышленности и эксперты принимают участие в симпозиуме в Финляндии для укрепления мер реагирования НАТО на гибридные угрозы // Организация Североатлантического договора. 18.12.2023. Доступ: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_221179.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 25.08.2024).

К методам ГВ альянс относит пропаганду, дезинформацию, саботаж и другие невоенные тактики, призванные дестабилизировать противников. При этом в качестве новизны в использовании этих, в общем-то, вполне древних методов на сайте альянса отмечаются скорость, масштаб и интенсивность атак, обусловленных колоссальными технологическими изменениями и глобальной взаимосвязанностью¹⁶. Соответственно первостепенное значение придается киберзащите, повышению устойчивости, стратегическим коммуникациям, улучшению ситуационной осведомленности и учениям. Кстати, и вне зоны ответственности альянса. Так, на саммите НАТО в Варшаве (июль 2016 г.) была создана «Платформа НАТО–Украина по противодействию гибридной войне».

Для реагирования на гибридные угрозы альянс также использует Центр передового опыта в области стратегических коммуникаций (Рига, Латвия), Центр передового опыта в области совместной киберобороны (Таллин, Эстония), Центр передового опыта в области энергетической безопасности (Вильнюс, Литва), Военно-морскую аспирантуру в Монтерее (Калифорния, США). Все эти структуры могут быть вовлечены в реализацию арктических устремлений НАТО.

В отечественной политологии отношение к ГВ весьма неоднозначное. Кто-то с усмешкой называет ее оксюмороном. Другие придерживаются классификации К. фон Клаузевица [Клаузевиц, 1936], делившего войны на тотальные и ограниченные [Фененко, 2022: 13]. Для кого-то привычнее термины «горячая», «холодная» и «опосредованная» (англ. *proxu war*) война.

Но война есть война. И для описания ее современной специфики перспективным представляется образ «мировой гибридной войны» (МГВ). Наиболее полно, пожалуй, этот концепт был определен отечественными учеными: «МГВ — многомерный междоцивилизационный военный конфликт, в ходе которого государства прибегают к целенаправленному адаптивному применению как военно-силовых способов борьбы, так и экономического удушения противника, использования подрывных информационных и кибертехнологий»¹⁷.

¹⁶ Countering hybrid threats // North Atlantic Treaty Organization. 07.05.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_156338.htm (accessed: 23.09.2024).

¹⁷ Бартош А. Мировая гибридная война в стратегии США и НАТО // Независимое военное обозрение. 24.02.2022. Доступ: https://nvo.ng.ru/concepts/2022-02-24/1_1178_strategy.html (дата обращения: 26.07.2024).

Циркумпольная критичность Арктической зоны Российской Федерации

Трансарктика¹⁸ стала одним из стратегически наиболее важных фронтов ГВ в геополитической сцепке ключевых транснациональных пространств «Трансатлантика — Трансарктика — Транстихоокеания» [Лабецкая, 2024]. Конечно, если говорить о чисто европейском соседстве, то можно согласиться, что «в обозримом будущем Балтийский регион» будет его «наиболее милитаризованной и враждебной России» частью¹⁹. Но если исходить из глобального противостояния коллективного Запада РФ и ее партнерам, из современных реалий глобального управления, то наиболее конфликтогенным представляется противоборство в транснациональных пространствах [Keohane, 1998; Транснациональные политические пространства..., 2011; Прохоренко, 2012], прежде всего в Трансарктике. Здесь неизбежен антагонизм интересов Трансатлантики, неотрывной частью которой Балтия и является, и Транстихоокеании. Причем, в отличие от XX в., противоречия в Трансарктике будут формироваться не на уровне национальных государств, а в междивилизационном контексте и в плоскости пересечения интересов Североатлантического альянса с «мужающими» международными структурами Большой Евразии (ШОС, БРИКС+, ОДКБ и, возможно, с всё же сегодня востребованным Советом по мерам доверия в Евразийском Заполярье). И всему этому процессу будут сопутствовать углубление и обострение МГВ на циркумпольном фронте.

Ярким примером первых актов ГВ в высоких широтах можно считать отблески украинского пожара в западных нарративах, касающихся северных рубежей РФ. К примеру, американские аналитики рассматривают специальную военную операцию (СВО) России на

¹⁸ Трансарктика — виртуальное транснациональное пространство, складывающееся в реалиях трансграничного взаимодействия разноуровневых акторов (от национальных государств до неправительственных организаций) на основе формальных/неформальных механизмов. Своеобразная политическая надстройка над военно-экономическим базисом мирового Заполярья, большая часть которого приходится на евразийско-арктический римленд, включая российскую Арктическую зону (АЗ РФ).

¹⁹ Тренин Д. Как Москва должна реагировать на угрозы соседей по Балтийскому региону // Профиль. 13.08.2024. Доступ: <https://profile.ru/politics/kak-moskva-dolzha-reagirovat-na-ugrozy-sosedej-po-baltijskomu-regionu-1564142/> (дата обращения: 14.08.2024).

Украине как открытие новых возможностей для США и иже с ними в Арктике: «Это даст Соединенным Штатам и западным союзникам время закрыть пробелы в оперативных возможностях, одновременно развивая северную часть интегрированного сдерживания»²⁰.

В этом контексте представляется обоснованным вывод Д. Минина, что в нынешней ГВ коллективный Запад делает ставку на растягивание ресурсов РФ: «Вряд ли случайным совпадением являются принятие Соединенными Штатами новой арктической стратегии и слом Минских соглашений, открывший путь к переходу внутриукраинского конфликта в горячую фазу с вовлечением других стран. Ведь едва ли ни первое, чего они таким образом добились, — это переход в лагерь НАТО многолетних приарктических нейтралов, Швеции и Финляндии. <...> Одновременно объявлено и о значительном увеличении общих затрат на северное направление политики США и НАТО»²¹. Отметим, что в последние годы обновление арктических стратегий затронуло практически всех партнеров США.

Весьма специфическим участком циркумполярного фронта ГВ является о. Шпицберген, рассматриваемый западными экспертами «как особо уязвимый к тактике серой зоны». В частности, «утверждается, что архипелаг Шпицберген является одним из арктических районов, подпадающих под ответственность НАТО», что «вторжение России на Украину и его стратегические последствия на глобальном уровне втянули объединенную НАТО в Арктику как свершившийся факт». Но с учетом «спорного характера» статьи 9 договора по Шпицбергену к нему рекомендуется применить индивидуальный подход. <...> В частности, на нынешнем этапе обеспечить наличие мощных десантных сил на материковой части Норвегии, потенциально с проекцией в сторону Шпицбергена, а территорию самого архипелага пока рассматривать как «серую зону». Кроме того, «сдерживание гибридных угроз требует дальнейшего объединения северного фронта НАТО путем согласования дипломатических позиций по поводу норвежского суверенного статуса Шпицбергена.

²⁰ Humpert M. From Ukraine to the Arctic: Russia's capabilities in the region and the war's impact on the north // High North News. 20.09.2023. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/ukraine-arctic-russias-capabilities-region-and-wars-impact-north> (accessed: 26.07.2024).

²¹ Минин Д. Арктический фронт СВО // Фонд стратегической культуры. 25.01.2023. Доступ: <https://www.fondsk.ru/news/2023/01/25/arkticheskij-front-svo-58313.html?print> (дата обращения: 27.07.2024).

<...> В духе гибридной войны рассматривается также в Норвегии судьба Баренцбурга и шахтерской Пирамиды, российских поселений на архипелаге»²².

Напомним, что под санкционным прессингом Запада этим российским поселениям пришлось окупаться в атмосферу ГВ. Осло пытался ограничить в регионе права российских рыбаков и судоремонтные услуги для россиян. С 29 мая с.г. запрещен въезд на Шпицберген российским туристам. Всё чаще обсуждается в западных СМИ тема перехода проживающих на Шпицбергене россиян в норвежское гражданство. В таких «недобрососедских» условиях в феврале 2024 г. зампред правительства — полномочный представитель президента в Дальневосточном федеральном округе Ю. Трутнев провел заседание Правительственной комиссии по обеспечению российского присутствия на архипелаге Шпицберген. В своем выступлении он акцентировал: «Никакие полученные Россией права и преимущества не должны быть уменьшены или ущемлены. <...> Сегодня за суверенитет нашей страны, за право людей говорить на русском языке наши бойцы проливают кровь. Я думаю, что к работе здесь в Правительстве надо относиться так же, что работа здесь — это тоже борьба за наш суверенитет, борьба за права России и россиян»²³.

Еще один участок геополитических противоречий Трансарктики — о. Врангеля, что расположен в 500 км от Аляски (США). С 1936 г. он входит в состав Чукотского автономного округа. Флаг же СССР был водружен на нем еще в 1924 г. Особой гидрографической экспедицией. Между тем с 1920-х годов в американских СМИ не утихали дебаты касательно американской принадлежности острова (дискуссия «Wrangle over Wrangel Island»). Хотя в 1990 г. было подписано Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств²⁴, документ ратифицирован так и не был. К тому же и в нем статус о. Врангеля не фиксировался. Так что эта

²² Там же.

²³ Юрий Трутнев: Никакие полученные Россией права и преимущества не должны быть уменьшены или ущемлены // Правительство России. 13.02.2024. Доступ: <http://government.ru/news/50865> (дата обращения: 23.09.2024).

²⁴ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств, 1 июня 1990 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48960/ (дата обращения 23.09.2024).

российско-американская дилемма может легко быть превращена Вашингтоном в узел критичности (УК)²⁵ в рамках концепции «глобальной критичности».

Согласно этой концепции «обеспечение эффективности формирования и использования УК в стратегии гибридной войны требует глубокого понимания и учета особенностей всех сфер общественной жизни государства: административно-политической, включая военную, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой. Знание текущего состояния и прогнозирование перспектив развития каждой из сфер позволит подвергать выявленные в ней УК воздействиям импульсами хаоса или порядка»²⁶.

В условиях, когда грань между войной и миром фактически размыва, при анализе развития Трансарктики и соответственно Арктической зоны (АЗ) РФ как одной из крупнейших ее подсистем приходится учитывать вероятность использования российскими антагонистами абсолютно новых информационно-технологических решений. В том числе и через рабочие группы, созданные в рамках Арктического совета, по сути, трансформировавшегося из А8 в А7+1(РФ), а также через арктические «компетенции» расширившейся за счет Финляндии и Швеции НАТО. В этих условиях необходима проработка управленческих решений по развитию аналогичных технологий в рамках дружественных многосторонних структур, где всё большее число участников проявляют заинтересованность в разработке собственных национальных арктических стратегий. Речь о таких заинтересованных институтах, как БРИКС+, ШОС, ОДКБ, в перспективе своеобразный Совет по мерам доверия в мировом Заполярье.

При этом перед Россией встает задача развивать АЗ РФ в русле «двойного назначения», где любая гражданская сфера, институт, индивид может быть при необходимости «повернут своей военной ипостасью». Хочешь мира — готовься к войне, в данном случае

²⁵ Узел критичности — цель, выбранная для воздействия в ходе гибридной операции/войны. Понятие «узел критичности» охватывает широкий круг объектов, на которые воздействуют гибридные угрозы в ходе операций гибридной войны.

²⁶ Бартош А., Летяго А. Новые инструменты гибридной войны. Воздействие на узлы критичности способно ввергнуть в хаос государства и уничтожить их политическую систему // Национальная оборона. 04.11.2021. Доступ: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/novye-instrumenty-gibridnoj-vojny-42773.shtml> (дата обращения: 21.08.2024).

в Арктике. Неслучайно в АЗ РФ есть факты использования в отношении населения западного инструментария «мягкой силы» [Лабецкая, 2018а]. В целом для выходцев из советской эпохи, живших с лозунгом «Готов к труду и обороне», это не ново. Новы здесь вызовы конвергентных технологий шестого технологического уклада, подразумевающие использование в рамках ГВ нано-, био-, инфокогнитивных разработок. По мнению В.М. Буренка, эти технологии отличаются высочайшей степенью эффективности при сопряженном, взаимоувязанном, синергетическом применении. «При этом биотехнологии включают биомедицину и генную инженерию, информационные — психофизическое воздействие, компьютеринг и средства коммуникации, когнитивные науки — когнитивные нейронауки» [Буренок, 2017: 66].

Американские эксперты со своей стороны утверждают: «Тот, кто первым признает, поймет и внедрит в жизнь суть перехода к новому поколению войны, получит решающее преимущество. И наоборот, та нация, которая будет медлительна в адаптации к условиям войны нового поколения, обрекает себя на катастрофическое поражение» [Буренок, 2017: 64].

Что касается циркумполярного фронта ГВ коллективного Запада против России, угрозы прямого военного вторжения в АЗ РФ, то горячего военного конфликта в Трансарктике сейчас нет. Однако идет активная борьба на одном из важнейших направлений — идеологическом, цивилизационном. И главной мишенью на этом ТВД становится молодое поколение не только наших северян, но и населения соседних государств. Наблюдаются попытки дестабилизировать ситуацию во всем Циркумполярном регионе, но прежде всего в его большей части, локализованной в АЗ РФ.

Общеизвестен афоризм: «То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря масс-медиа». Но в этом контексте весьма примечательно следующее уточнение знаменитого немецкого социолога Н. Лумана: «Подобное знание мы характеризуем как сомнительное, и всё-таки вынуждены на нем основываться и из него исходить» [Луман, 2005: 8].

Серьезный риск для региональной стабильности несут русофобские нарративы, насаждаемые среди народов мирового Заполярья, реанимация антисоветских стереотипов XX в. На современном этапе наблюдаются попытки западных СМИ, особенно в государствах — неофитах НАТО, Финляндии и Швеции, представить

в негативном свете внешнюю политику РФ в Арктике, проецируя на регион ситуацию «украинского кризиса». Однако было бы заблуждением связывать эти явления исключительно со всплеском русофобии, насаждаемой в связи с СВО. Они фиксировались задолго до февраля 2022 г., причем зачастую их прикрывали дружеским участием в формировании сетевых образовательных программ, в обеспечении информационных коммуникаций в рамках политики добрососедства и т.д.

Налицо битва за рычаги влияния в Арктике, ведь на современном этапе коренные народы Циркумполярного региона медленно, но неуклонно продвигаются к «центру новой многовластной системы принятия национальных и международных решений» в Заполярье [Ehrenzeller et al., 2003: 31]. Возрастает значимость коренных народов в деятельности Арктического совета, различных региональных структур. Яркий пример — тренд от самоуправления к укреплению государственности в датских автономиях — в Гренландии и на Фарерских островах. Усиливается и роль Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, которые незамедлительно становятся «мишенью» информационных, «мягкосиловых» манипуляций со стороны наших арктических «контрагентов». В качестве ярких примеров операций ГВ на информационном направлении можно назвать популяризацию среди населения европейской части АЗ РФ «трансграничной северной идентичности» (поморства) и концепции «асимметричного соседства». Так, в 2015 г. в Северном (Арктическом) федеральном университете (САФУ) в Архангельске в качестве «методологической основы для новой региональной истории Архангельской области как неотъемлемой и исторической части норвежского Баренцева региона» предлагались разработанный норвежским Институтом оборонных исследований двухтомник «Асимметричное соседство» и шведский учебник трансграничной истории для высшей школы стран Баренцева региона — «Barents Book»²⁷. Факты манипуляции общественным сознанием среди молодежи Архангельской области,

²⁷ Норвежская мягкая сила в борьбе за Арктику: как «баренцы» меняют в свою пользу будущее // EurAsia Daily. 10.09.2015. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2015/09/10/norvezhskaya-myagkaya-sila-v-borbe-za-arktiku-kak-barency-menyayut-v-svoyu-polzubydushchee> (дата обращения: 21.09.2024).

попытки «дерусификации» в Республике Коми фиксировал российский политик А. Журавлёв²⁸.

Закономерно, что в этой ситуации в разряд приоритетов РФ выдвинута задача «сохранять российское влияние в регионе», ограждать наше коренное население от эрозии его идентичности, навязывания ему ложных стереотипов. В этой связи еще в 2014 г. Совбез РФ принял на своем специальном расширенном заседании постановление «О реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике в интересах национальной безопасности»²⁹.

Сегодня нагнетание напряженности в высоких широтах обеспечивается и за счет размещения в приграничье соседствующих с Россией стран объектов военно-информационной инфраструктуры НАТО. Приходится сталкиваться и с прямыми провокациями, и с попытками организации террористических актов в АЗ РФ.

* * *

Российская Федерация — это порядка 30% пространства Арктики, более половины проживающего в ней населения и почти 70% экономического оборота в регионе. Без взаимодействия с АЗ РФ реализация глобальных планов большинства акторов Трансарктики затруднена. Практика санкционного бойкотирования председательства России в Арктическом совете и вынужденная переориентация имплементации российской программы председательства исключительно на АЗ РФ и дружественные ей сообщества подтвердили неминуемую эрозию устойчивого развития мирового Заполярья без сотрудничества с Москвой. И как тут не вспомнить проверенные временем аргументы классика, оглашенные в Отчете ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике Республики на IX Всероссийском съезде Советов Республики (23–28 декабря 1921 г.): «Сколько вражды мы встретим? На этот счет нет заблуждений. Но мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить

²⁸ Журавлев А. Не проиграть битву за Арктику // Известия. 14.10.2015. Доступ: <https://iz.ru/news/593187#ixzz3oXz1TAeZ> (дата обращения: 19.08.2024).

²⁹ Заседание Совета Безопасности по вопросу реализации государственной политики в Арктике // Президент России. 22.04.2014. Доступ: <http://news.kremlin.ru/news/20845> (дата обращения: 20.08.2024).

на этот путь сношения с нами»³⁰. Неслучайно норвежская сторона, сменившая РФ в качестве председателя в Арктическом совете, поспешила восстановить, хотя и не полностью, российское участие в нем. «Без действующих рабочих групп, взаимодействующих с Россией, у нас нет совета, поэтому данная задача сейчас самая важная для перезапуска двигателя», — заявил М. Хёглунд, председатель Комитета старших должностных лиц Арктического совета³¹. Однако это не исключает продолжения поиска и формирования советом УК в рамках ведущейся против России гибридной войны.

Подытоживая, отметим следующие задачи, неизбежно встающие перед РФ, в данном случае в АЗ, в условиях проводящихся против России гибридных операций:

- защита АЗ РФ от негативного влияния глобальных геополитических вызовов, поиск алгоритма формирования эффективной системы мониторинга геополитических угроз в отношении не только России, но и ее партнеров по линии РИК, БРИКС, БРИКС+, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ;
- вычленение сдержек и противовесов, поиск компромиссов в циркулярном взаимодействии с евразийскими, международными и межправительственными структурами, бизнес-сообществами, не прогибающимися под санкционным прессингом;
- зондаж создания Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Трансарктике с привлечением регионалов и внерегионалов;
- обеспечение коренным народам экологической, экономической и продовольственной безопасности, сохранение их цивилизационной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартош А.А. Серая зона: театр гибридной войны. М.: Горячая линия-Телеком, 2021.
2. Буренок В.М. Между миром и войной: направления и проблемы создания системы вооружения будущего // Новый оборонный заказ. Стратегии. 2017. № 4 (46). С. 64–68. Доступ: <https://dfnc.ru/ekspertnoe-mnenie/mezhdu-mirom-i-vojnoj-napravleniya-i-problemy-sozdaniya-sistemy-vooruzheniya-budushhego/> (дата обращения: 18.08.2024).

³⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 44: Июнь 1921 — март 1922. М.: Политиздат, 1970. С. 304–305.

³¹ Available at: https://vk.com/wall-206185670_4703 (accessed: 24.08.2024).

3. Гудев П.А. Перспективы формирования международного режима в Арктике // *Международная жизнь*. 2014. № 2. С. 88–101.

4. Дронов М.В. Гибридная война как доктринально оформленный тип агрессии США и НАТО // *Теории и проблемы политических исследований*. 2023. Т. 12. № 8А. С. 62–71. DOI: 10.34670/AR.2023.12.10.008.

5. Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016.

6. Иваницкая Е.В. Арктика как регион сотрудничества стран — участниц Евразийского экономического союза // *Безопасность труда в промышленности*. 2017. № 7. С. 96–97.

7. Клаузевиц К. О войне. Т. 1. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны СССР, 1936.

8. Кревельд ван М. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2015.

9. Лабецкая Е.О. Арктика: конец аллюзии, или Белое Безмолвие гибридной войны // *Перспективы*. Электронный журнал. 2022. № 3 (30). С. 43–52. Доступ: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/18b/3_2022_43_52.pdf (дата обращения: 25.09.2024). DOI: 10.32726/2411-3417-2022-3-43-52.

10. Лабецкая Е.О. Арктический вектор евразийского партнерства // *Наш дом — Евразия: Доклады и материалы международной конференции*. М.: Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, 2018. С. 69–80.

11. Лабецкая Е.О. «Бесконфликтная Арктика»: pro et contra // *Анализ и прогноз*. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 4. С. 34–46. DOI: 10.20542/afij-2021-4-34-46.

12. Лабецкая Е.О. Россия–ЕС: «soft-power risks» в евразийско-арктическом контексте // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 9. С. 112–120. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-112-120.

13. Лабецкая Е.О. Циркумполярный фронт гибридной войны коллективного запада против РФ (цивилизационный аспект) // *Вестник Университета мировых цивилизаций*. 2024. Т. 15. № 2 (43). С. 22–29. DOI: 10.24412/2587-6236-2024-243-22-29.

14. Луман Н. Реальность масс-медиа. М.: Практикс, 2005.

15. Международное сотрудничество в Арктике. Доклад 2013 / Под ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013.

16. Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006.

17. Поздняков Э.А. Что такое история и нужно ли ее знать? М.: Идея-Пресс, 2010.

18. Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6. С. 68–80.

19. Транснациональные политические пространства: явление и практика / Отв. ред. М.С. Стрежнева. М.: Весь мир, 2011.
20. Фененко А.В. Войны в структуре мировых порядков // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3. С. 13–36. DOI: 10.20542/afij-2022-3-13-36.
21. Хотькова Е.С. и др. Арктика в современной системе международных отношений и национальные интересы России // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 5 (26). С. 9–43.
22. Bargués P., Bourekba M. War by all means: The rise of hybrid warfare // Barcelona Centre for International Affairs. September 2022. Available at: <https://www.cidob.org/en/publication/war-all-means-rise-hybrid-warfare> (accessed: 26.07.2024).
23. Bargués-Pedreny P. Deferring peace in international statebuilding: Difference, resilience and critique. Abingdon: Routledge, 2018.
24. Carment D., Belo D. War's future: The risks and rewards of grey-zone conflict and hybrid warfare. Calgary: Canadian Global Affairs Institute, 2018. Available at: https://www.cgai.ca/wars_future_the_risks_and_rewards_of_grey_zone_conflict_and_hybrid_warfare#Executive (accessed: 26.07.2024).
25. Ehrenzeller B., Hrbek R., Malinverni G., Thürer D. Federalism and foreign policy // *Politorbis*. 2003. Vol. 1. No. 32. P. 18–38.
26. Fridman O. Russian 'hybrid warfare': Resurgence and politicisation. Oxford: Oxford University Press, 2018.
27. Johnson R. Hybrid war and its countermeasures: A critique of the literature // *Small Wars & Insurgencies*. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 141–163. DOI: 10.1080/09592318.2018.1404770.
28. Keohane R.O. International institutions: Can interdependence work? // *Foreign Policy*. 1998. No. 110. P. 82–96. DOI: 10.2307/1149278.
29. Mikac R., Mitrevska M., Smajić M. Hybrid threats and counter-hybrid solutions: A comparative case study analysis of Croatia, North Macedonia, and Bosnia and Herzegovina // *Politics in Central Europe*. 2022. Vol. 18. No. 3. P. 375–395. DOI: 10.2478/pce-2022-0017.
30. O'Driscoll C. Victory: The triumph and tragedy of just war. Oxford: Oxford University Press, 2019.
31. Sanz-Caballero S. The concepts and laws applicable to hybrid threats, with a special focus on Europe // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. No. 360. P. 1–8. DOI: 10.1057/s41599-023-01864-y.
32. Stensrud C.J., Østhagen A. Hybrid warfare at sea? Russia, Svalbard and the Arctic // *Scandinavian Journal of Military Studies*. 2024. Vol. 7. No. 1. P. 111–130. DOI: 10.31374/sjms.233.

REFERENCES

1. Bartosh A.A. 2021. *Seraya zona: teatr gibridnoi voyny* [The grey zone: The theater of hybrid warfare]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ. (In Russ.)
2. Burenok V.M. 2017. Mezhdru mirom i voinoi: Napravleniya i problemy sozdaniya sistemy vooruzheniya budushchego [Trends and problems of creating weapons systems of the future]. *Novyi oboronnyi zakaz. Strategii*, no. 4 (46), pp. 64–68. Available at: <https://dfnc.ru/ekspertnoe-mnenie/mezhdu-mirom-i-vojnoy-napravleniya-i-problemy-sozdaniya-sistemy-vooruzheniya-budushchego/> (accessed: 18.08.2024). (In Russ.)
3. Gudev P.A. 2014. Perspektivy formirovaniya mezhdunarodnogo rezhima v Arktike [Prospects for the formation of an international regime in the Arctic]. *The International Affairs*, no. 2, pp. 88–101. (In Russ.)
4. Dronov M.V. 2023. Gibridnaya voyna kak doktrinal'no oformlennyy tip agressii SShA i NATO [Hybrid warfare as a doctrinal type of USA and NATO aggression]. *Theories and Problems of Political Studies*, vol. 12, no. 8A, pp. 62–71. DOI: 10.34670/AR.2023.12.10.008. (In Russ.)
5. Zagorskii A.V. 2016. *Nestrategicheskie voprosy bezopasnosti i sotrudnichestva v Arktike* [Conventional security and cooperation in the Arctic]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
6. Ivanitskaya E.V. 2017. Arktika kak region sotrudnichestva stran — uchastnits Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [The Arctic as a region of cooperation between the member states of the Eurasian Economic Union]. *Bezopasnost' truda v promyshlennosti*, no. 7, pp. 96–97. (In Russ.)
7. Clausewitz von C. 1832. *Vom Kriege*. Berlin, Ferdinand Dümmler [Russ. ed.: Klauzevits K. 1936. O voine. Vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Narkomata oborony SSSR Publ.].
8. Creveld van M. 1991. *The transformation of war*. New York, Free Press [Russ. ed.: Krevel'd van M. 2015. Transformatsiya voyny. Moscow, IRISEN Publ.].
9. Labetskaya E.O. 2022. Arktika: konets allyuzii, ili Beloe Bezmolvie gibridnoi voyny [The Arctic: The end of an allusion, or the white silence of hybrid war]. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*, no. 3 (30), pp. 43–52. Available at: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/18b/3_2022_43_52.pdf (accessed: 25.09.2024). DOI: 10.32726/2411-3417-2022-3-43-52. (In Russ.)
10. Labetskaya E.O. 2018a. Arkticheskii vektor evraziiskogo partnerstva [The Arctic vector of the Eurasian partnership]. In: *Nash dom — Evraziya. Doklady i materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Eurasia is our home. Reports and materials of the international conference]. Moscow, Mezhdunarodnyi institut Pitirima Sorokina — Nikolaya Kondrat'eva Publ., pp. 69–80. (In Russ.)
11. Labetskaya E.O. 2021. 'Beskonfliktnaya Arktika': pro et contra ['Conflict-free Arctic': Pro et contra]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, vol. 4, pp. 34–46. DOI: 10.20542/afij-2021-4-34-46. (In Russ.)

12. Labetskaya E.O. 2018b. Rossiya–ES: ‘soft-power risks’ v evraziisko-arkticheskom kontekste [Russia–EU: ‘Soft-power risks’ in the Eurasian–Arctic context]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 9, pp. 112–120. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-112-120. (In Russ.)

13. Labetskaya E.O. 2024. Tsirkumpolyarnyi front gibridnoi voyny kolektivnogo zapada protiv RF (tsivilizatsionnyi aspekt) [Circumpolar front of the hybrid war of the collective West against the Russian Federation (civilizational aspect)]. *Bulletin of the University of World Civilizations*, vol. 15, no. 2 (43), pp. 22–29. DOI: 10.24412/2587-6236-2024-243-22-29. (In Russ.)

14. Luhmann N. 1995. *Die Realität der Massenmedien*. Opladen, Westdeutscher Verlag [Russ. ed.: Luman N. 2005. Real’nost’ massmedia. Moscow, Praxis Publ.].

15. Ivanov I.S. (ed.). 2013. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike. Doklad 2013* [International cooperation in the Arctic. 2013 Report]. Moscow, Spetskniga Publ. (In Russ.)

16. Nye J.S. 2004. *Soft power: The means to success in world politics*. New York, Public Affairs [Russ. ed.: Nai Dzh.S. 2006. Gibkaya vlast’: kak dobit’sya uspekha v mirovoi politike. Novosibirsk, Moskva, Fond sotsioprognozticheskikh issledovaniy ‘Trendy’ Publ.].

17. Pozdnyakov E.A. 2010. *Chto takoe istoriya i nuzhno li ee znat’?* [What is history and does one need to know it?]. Moscow, Ideya-Press Publ. (In Russ.)

18. Prokhorenko I.L. 2012. O metodologicheskikh problemakh analiza sovremennykh politicheskikh prostranstv [On methodological problems of contemporary political spaces analysis]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 68–80. (In Russ.)

19. Strezhneva M.S. (ed.). 2011. *Transnatsional’nye politicheskie prostranstva: yavlenie i praktika* [Transnational political space: The phenomenon and practice]. Moscow Ves’ mir Publ. (In Russ.)

20. Fenenko A.V. 2022. Voyny v strukture mirovykh poryadkov [Wars in the world orders’ structure]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 3, pp. 13–36. DOI: 10.20542/afij-2022-3-13-36. (In Russ.)

21. Khot’kova E.S. et al. 2014. Arktika v sovremennoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii i natsional’nye interesy Rossii [The Arctic in the contemporary system of international relations and Russian national interests]. *National Strategy Issues*, no. 5 (26), pp. 9–43. (In Russ.)

22. Bargués P., Bourekba M. 2022. *War by all means: The rise of hybrid warfare*. Barcelona Centre for International Affairs. Available at: <https://www.cidob.org/en/publication/war-all-means-rise-hybrid-warfare> (accessed: 26.07.2024).

23. Bargués-Pedreny P. 2018. *Deferring peace in international statebuilding: Difference, resilience and critique*. Abingdon, Routledge.

24. Carment D., Belo D. 2018. *War’s future: The risks and rewards of grey-zone conflict and hybrid warfare*. Calgary, Canadian Global Affairs Institute. Available

at: https://www.cgai.ca/wars_future_the_risks_and_rewards_of_grey_zone_conflict_and_hybrid_warfare#Executive (accessed: 26.07.2024).

25. Ehrenzeller B., Hrbek R., Malinverni G., Thürier D. 2003. Federalism and foreign policy. *Politorbis*, vol. 1, no. 32, pp. 18–38.

26. Fridman O. 2018. *Russian 'hybrid warfare': Resurgence and politicisation*. Oxford, Oxford University Press.

27. Johnson R. 2018. Hybrid war and its countermeasures: A critique of the literature. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 29, no. 1, pp. 141–163. DOI: 10.1080/09592318.2018.1404770.

28. Keohane R.O. 1998. International institutions: Can interdependence work? *Foreign Policy*, no. 110, pp. 82–96. DOI: 10.2307/1149278.

29. Mikac R., Mitrevska M., Smajić M. 2022. Hybrid threats and counter-hybrid solutions: A comparative case study analysis of Croatia, North Macedonia, and Bosnia and Herzegovina. *Politics in Central Europe*, vol. 18, no. 3, pp. 375–395. DOI: 10.2478/pce-2022-0017.

30. O'Driscoll C. 2019. *Victory: The triumph and tragedy of just war*. Oxford, Oxford University Press.

31. Sanz-Caballero S. 2023. The concepts and laws applicable to hybrid threats, with a special focus on Europe. *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 10, no. 360, pp. 1–8. DOI: 10.1057/s41599-023-01864-y.

32. Stensrud C. J., Østhagen A. 2024. Hybrid warfare at sea? Russia, Svalbard and the Arctic. *Scandinavian Journal of Military Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 111–130. DOI: 10.31374/sjms.233.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024;
одобрена после рецензирования 26.09.2024;
принята к публикации 03.11.2024

The paper was submitted 04.09.2024;
approved after reviewing 26.09.2024;
accepted for publication 03.11.2024